

18+

Алексей Козлов

КАРАТТИН.
Декоративные элементы

Алексей Козлов
Карантин. Анекдоты
о Пушкине

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72531748

ISBN 9785006806924

Аннотация

«Карантин. Анекдоты о Пушкине» – чудом сохранившиеся и обнаруженные автором в фисгармонии имения Курицыных записки, проливающие свет на бытность великой персоны. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Солнце Пишется с Большой	6
или	7
путник в России.	8
1	10
Сонет	12
2	13
Из Голубой Записной Книжки Пушкина	14
3	14
4	15
5	16
6	17
7	18
8	19
9	20
10	22
11	23
12	24
13	25
14	26
15	29
16	30
17	31
18	37

Карантин Анекдоты о Пушкине

Алексей Козлов

Дизайнер обложки Алексей Борисович Козлов

© Алексей Козлов, 2025

© Алексей Борисович Козлов, дизайн обложки, 2025

ISBN 978-5-0068-0692-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Солнце Пишется с Большой

ИЛИ

путник в России.

Избалован Семейей и Анашой,
Он любит «БытЪ» и ненавидит «БрюкЪвы».
Он пишет... «солЪнце» – с маленькой!..

...А «БогЪ» —

Всегда с большой,
Пузатой, жирной Буквы...
С большой – «Свя ЩенникЪ»,
Ну а с малой – «стыдЪ».
С огромной – «БЕНЪТЛИ»,
С крошечной – «ПЪрепоны».

Так в сумасшедшем доме ИнвалидЪ
Себя опять почёл Наполеоном...
В мозгу замес из АнгеловЪ, КалошЪ
ЛоялЪности и БлагЪ любого толка.
Здесь средь ингредиентов не найдёшь
Ни Совести, ни Внутреннего Долга!
Здесь в Зазеркалье совращён Улисс,
Улиссики – их поросль молодая,
И тысячи непризнанных Алис
Здесь бродят в ожидании Шалтая.
Искать затеешь и тогда поймёшь —
Здесь Ханжество царит,
Гребёжь

и

Ложь!

P.S.

Не видит Бог, но я скажу с душой:

Нет!

Солнце Мира —

Пишется с Большой!

Эти записки были найдены в обшарпанном бауле небезызвестного Ипполита К. в шестидесятые годы прошлого века. Уже после его смерти вступивший в наследство Леопольд Пуськин, пресвитер «Единой Сан-Репы» и дальний родственник Пушкина, разбираясь с бумагами покойного камер-юнкера, по-офицерски дисциплинированно ознакомился с ними и разложил по тематическим папкам. Основных тем было три: деньги, бабло и карточные долги. Попадались странные включения, которые были отнесены к другому автору и совсем другим временам! Но времени разбираться с авторством записок не было, и они так и остались неразобранными. Разложив бумаги по темам, в дальнейшем Пуськин сложил бумаги в одну стопу и перенёс на чердак, где их впоследствии обнаружил незабвенный К. С. Пшипицюльский, полицейский-растрига и в дальнейшем истопник Его Величества в Царском Селе. Поначалу записки совершенно не интересовали его, потом он ознакомился с ними более полно, нашёл сносными, потом целиком заинтересовался, и наконец, перечитав в седьмой раз, проникся ими всецело и в конце жизни знал наизусть. Записи лежали бесформенной грудой в фибровом,

с заклёпками и застёжками в духе времени, офицерском бауле, который Александер Пушкин в былые годы по незнанию назвал «чемоданом», после чего чемодан издал такой возмущённый крик, что все повернули головы, как будто чемодан был оскорблён до беспредела, бумаги были перепутаны, что странно. Не на всех записях остались даты, кое-какие страницы отсутствовали вовсе, то ли потерянные, то ли предусмотрительно уничтоженные, на одной странице были следы слёз, на другой жирные пятна, на третьей – нечто вроде засохшей зелёной сопли. Всё это внесло сумбур и хаос в общее повествование. Впрочем эти лакуны создавали в тексте приятную полутьму, и может быть поэтому загадочное мерцание тайны впоследствии так привлекло К. С. Стихи же, находившиеся в жёлтом крафтовом конверте атрибуции не подвергались и кому они принадлежат, Пуськины, Пушкину, Пшипицюльскому или кому другому, до сих пор непонятно, ибо надёжной атрибуции этих текстов не было. Впрочем Лондонский институт Королевы Марии приписывает стихи Александру Пушкину.

Сонет

Бывает так, что тлю, на Эверест
Взнесённую пред толпами тупыми,
При виде гор, долин златых окрест,
Вдруг начинает раздувать гордыня.
И всё сильнее гремят колокола,
И клакеров псалмы несутся глухо,
И так – пока случайная игла
Не ткнётся в шар божественного брюха.
И стает репутация, как лёд,
И Эверест вдруг станет грязью лужи,
И вот уж орк любой осознаёт,
Что тля пред ним и ноет: «Почему же?»
Так дутое величие подчас
Готово лопнуть на глазах у нас!

Первыми, попавшими на глаза К.С., оказались жёлтые листки из пачки, перемотанной сгнившей бечевой, и в них было вот что:

Из Голубой Записной Книжки Пушкина

3

Бегемот – это живая колбаса Африки!

Самое удивительное, что Царь, старея, постепенно погружается в мир маразматических фантазмов, фантастического маразма и ауру крошечного разложения. Он начинает награждать всё более старых пен-тюхов, каких-то конюхов, блатных певичек, светских шлюшек, воров-генералов, юродивых и лже-учёных, и без всякого сомнения окончит награждением подлинных развалин, бездарей и преступников. И кого же награждает это стареющее двуногое? Кого же награждает этот величественный примат? Смерть, бредущую по его следам! Свое мёртвое отражение в за-сиженном мухами зеркале!

Он награждает те формы разложения, которые свойственны ему. И мстит честным людям! Это эгоизм примата, а не государственного деятеля.

Всякие лизоблюды и пройдохи награждаются как кулиса этой меркнувшей жизни! Впрочем, что о нём можно сказать? Что он убийца своего отца, что он оставил рабами своих героев-солдат, готовых положить за него жизнь! Сотни тысяч их легло в полях! Это просто пустота в мантии! Он предал всех! Трус! Он боится всех! Он и меня предаст!

Вечером заявила графиня Орлова. По видимости она желала погостить, но тягостные обстоятельства визита проявились сразу. Как я и предполагал, она, с места в карьер потребовала возврата долга. Едва поздоровавшись, содрала с руки перчатку и сказала: «Деньги на бочку!» С таким я сталкиваюсь впервые! Представляете окончание этого вечера? Я как ни пытался на пескарей разговор перевести, которых она ох как любит, но баба есть баба – она только о долге и деньгах говорила.

А утку не хочешь?

Помню только, что я ей сказал: «Спросите генерала Свистунова!»

– Какого Свистунова! – удивилась она, – Ну и шутки у вас, Александр Сергеевич!

Ушла она не солоно хлебавши! Денег у меня нет! Всё wygrебли карточные шулера! В следующий раз выверну карманы для наглядности!

Отвали моя черешня – Мотя стройная моя!

**Пушкин, как на свет вылез, уже миру сразу стал за-
явы предъявлять. Однажды летом батюшка его спал
на диване и дико храпел, а Пушкин, в детской цвета-
стой рубашоночке подрулил к нему и ни слова не гово-
ря шмяк его по физиономии прутиком. Папаша взвил-
ся, а Пушкин стоит и улыбается во весь рот, как ангел
невинный.**

Как Пушкин поступил в Лицей, так сразу учёбу забросил к... собачьим и за девочками больше бегал. Сидит однажды он в аллее, и что-то соломенной шляпой накрыл, елозит по плитуару, как будто что важное поймал. Подбежали к нему девушки, а Пушкин им и говорит:

– Девушки! А девушки! Я птичку поймал! Слушайте, давайте её поймаем! Я край шляпы приподыму, а вы руку туда суньте, ловите птичку!

Они руку засунули, а там – говно! Вот какой Пушкин был весёлый Человечище! Красавчик! Залюбуешься! Красава полнейшая! Хуторянин! Матрос сухопутный!

Как Пушкин зачастил в Алёшенские Казармы, так там с офицерами и познакомился. На гауптвахте там круглые сутки солдаты пудовые гири в мешке таскали в воспитательных целях. Смешно!

Там и полковник Ржевский был, гордость Гвардии, алкоголик и задира. Дуя на озябшие руки, полковник говорил:

– А вы не глядите на Россию глазами проклятого дэ Кюстина! О мерзкое лягушачье отродье! Адихмантьев сын! Хуторянин Парижской! Не глядите и не поглядомы будете! Пойдём-ка, лучше выпьем! Россию по трезвяку видеть невозможно, без того, чтобы не повеситься на помочах!

Пушкин на него уважительно поглядел, но ничего не сказал. А после пришёл домой и в своей Голубой Записной Книжке и записал мелкими закорючками:

«Если Москва – город первого весеннего энуреза, то Петербург – столица последней зимней дефекации...

Пушкин свою Голубую Записную книжку никому не показывал, потому что там он записывал многия тайныя мыслишки, то, что думал реально, а это на Руси то же самое, что самому себе приговор подписать и табуретку подставить. Кто ж на Руси говорит то, что думает? Одни юродивые да безумцы. Об идеалистах я не говорю – мало их и удел их ужасен! Там такие записи были, что закачаешься. И иные он даже выди-рал и жог мировым пламенем, но кое-что уцелело. Вот к примеру одна из записок, полюбуйтесь:

«У моей страны связь между ограбленными крети-ноидами и ворами при кормушке – такая же проч-ная, как у Маниака и Девочки! Эта бандитская гене-рация пришла во власть из секций рапиры и мяча, и я не знаю, кто страшнее – разбойники-спордзмены или убийцы с воланчиками в клешнях. Естественно, рас-трясённые во время тренировок извилины не позво-ляли этому сброду выработать гуманистическое ми-ровоззрение, и эти спортивные особи так обруши-лись на ветеранов, лишив их всего. Правда, лишив всего ветеранов, они продолжили бесконечные побед-ные празднования и фейерверки по поводу Отече-ственной Войны. Наглость этой шушеры поразитель-

на. Они как изюм из булки, стали извлекать выгодные им вещи из наследия прошлого – Победу, сбережения ветеранов войны, остальное они топтали грязными калошами безжалостно и открыто. Единственное, что они выдумали – это оригинальное засилье святош и всякой такой нечисти, разумеется, за государственный кошт! При этом говоря, что в прошлые времена ничего кроме галош не производилось. Говорили они это, разворачивая старые архивные чертежи, чтобы сгандобить очередную военно-промышленную „новинку“. Их новинки уже летали и плавали ещё до рождения Иисуса! Я давно не горжусь бедолагами из моей семьи положившими голову на плаху этой „родины“ – никакого толка от этого не было! Зря они так горячились! Не в коня корм, как говорится!»

«На территории идёт соревнование и отбор тех, кто готов уцелеть любой ценой, даже закапывая или уничтожая соплеменников. Такие готовы воровать сбережения ветеранов войны и труда, забивать святыни, подбрасывать фальшивые бюллетени в ящики для голосования. Если страну ещё можно спасти, примерно 2 миллиона преступников, замешанных в преступлениях, должны предстать перед судом, должны быть лишены нагло уворованных ими пенсий и невиданный зарплат, которые на деле вовсе не являются зарплатами – это криминальные изъятия из бюджета». Чиновники, попы, вояки – сколько их! Воз и маленькая тележка!

«Заговорили о Конституции. Говорить в моей стране о законах и конституции, как в пустыне Сахаре о снеге! Ещё конституция не принята, а царь уже устроил шоу непредставимое! Посмотрите, как они продавливают эти криминальные поправки к конституции, поправки, практически уничтожающие эту конституцию и превращающие её в пустую никчёмную бумажку! Лучше бы крестьян освободил всех! Ну, кроме моих, конечно! Мои – верные, не захотят свободы! Под крылом гения-людоеда не в пример как интересно жить! Я их как облупленных знаю! Сам ослобожу, как время придёт! В гробах! Гы-гы-гы!»

«Растление дошло до того, что они считают честных – маргиналами! Честность не даром не нравится этим криворылам! Честные люди напоминают мамонтов, за которыми бегают толпы оголтелых охотников с палками.»

Как любых преступников и диктаторов их уже интересует проблема продления жизни – по всей видимости, они стариканы и старухи надеются править вечно! Но Природа взяток не берёт, а мстить будет вашим внукам вечно! Да и им самим коптить под небесами долго не даст!»

«Разумеется, я люблю животных и детей. Сказать кому-то, что вы не любите животных и детей – всё равно, что сказать, что вы сын Калигулы или не сочувствуете каннибалам с острова Пасхи. Короче, сразу и навсегда положить конец своей карьере и признаться куче белобрысых и черно....., что ты – полный лох! Я не знаю, есть ли на острове Пасхи каннибалы, как о том вякнул в передовице „Морнинг Фак“ Клаус Паукс, есть ли Полиция Нравов в Калифорнии, но я знаю, как прописи, что детей у Калигулы не было. Столкнувшись с этой пропагандой, все мгновенно полюбили животных и детей. Ныне я под страхом смерти просто обязан сочувствовать любой девочке-инвалиду или бездомной кошечке с оторванной лапой. Слезодробительные сообщения газет о тех и других наезжают друг на друга, и если бы я не знал, что снимающие их к детям совершенно равнодушны и любят только деньги, я бы уверовал, что они и в самом деле любят детей. Любовь к детям зашла столь далеко, что животных занесло даже в конституцию моей страны. Теперь слово конституция надо писать с большой буквы, несмотря, что ныне это – свалка нелепых и враждебных человеческой природе сумбурных тези-

сов. Впрочем, я не удивлён. Туда же занесло и Бога, которого я в отличие от солнца должен писать почему-то с большой буквы. Только недавно попавшая мне на глаза Библия продемонстрировала мне невиданное – солнце там пишется с маленькой буквы! Увидев это, я сначала рассмеялся! Увы, я долго считал иных людьми! И вот они сами опровергли это! Это умаление источника нашего существования, источника существования миллионов видов существ, на протяжении миллионов лет населяющих Землю, способно потрясти. То, что называется сейчас умниками „Окном Овертона“ – жалкое игольное ушко, через которое к нам в жизнь проникает всякая зараза, игольное ушко, а не окно, не провал растрескивания и перелицовки. Меня слово „Бог“ с большой буквы на фоне малюсенького в голове христиан, скукоженного и жалкого Солнца уже ничуть не шокирует, улыбаясь про себя, я просто ставлю большую букву „Б“, подразумевая под ней совсем не то, что подразумевают наивные любители „Бога“. Правда, как могут сомневаться эти обитатели сумрачного ада своих предрассудков ничтожества в том, что какое-то жалкое солнце, обладающее силой в каких-то ничтожных девять миллиардов водородных бомб в секунду может соперничать с их всемогущим прибитым к палке божеством, или с их великим „Богом-Отцом“, которого никто никогда не видел

и наверняка никогда нигде не увидит...»

Пройдёт ещё несколько веков, пока их дети не поймут, что это была миллионноактная сказка про голого короля, когда всех запугали и обманули так, что миллионы нормальных людей помалкивали веками, не осмеливаясь даже прошептать: «Король-то голый!»

Эта величайшая школа христианской дрессировки и лжи ещё много веков будет сказываться на человеческой природе, толкая сообщества в пучину хаоса.

Даже большие любители детей понимают, что дети бывают разные и среди них встречаются такие омерзительные экземпляры, которых хочется убить сразу, не обращая внимания ни на лживую конституцию моей некогда великой страны, ни на злобное общество защиты животных.

Сколько я не прочитал книг, их авторы были очень хорошими людьми и всегда жалели детей и животных. У них это всегда называлось гуманизмом, но знакомясь всегда с биографиями этих квёлых гуманистов, я всегда натывался на жестокость в детстве и браконьерство в юности, заканчивавшееся великими преступлениями в старости, л глубокими седидами и смертью. В общем, оказалось, что все великие гуманисты были браконьерами. Единственно в отношении кого мои сомнения не развеяны оказались мать Терезия Мантуанская и Римский Папа. Оказалось также, что все аристократы мира во все времена занимались браконьерством, били животных и птиц, и при это слыли великими гуманистами. Маленькие гуманисты ловили мелкую рыбы, великие гуманисты убивали огромных слонов и носорогов.

Также я заметил, что право убивать животных принадлежит высшим слоям общества, и чем выше человек, тем крупнее животные, которых ему позволено убивать. В связи с чем внизу социальной лестницы царит полное уныние, ибо здесь можно убивать только муравьёв, тараканов и иногда и только по большим церковным праздникам – членов своей семьи.

На самом верху этой пищевой цепочки находятся рабочие, которым позволено уничтожать царей, ибо это в рамках проветривания общества надо делать регулярно.

Удивительно наблюдать, каким ханжеством полон гуманизм великих. Я могу понять Вольтера, который прольёт целые лужи слёз по каким-нибудь рысям, мышам, пандам или белым медведям, и совершенно не удивлюсь, что смерть миллионов афреканцев или индейцев не вызовет у него никаких трогательных, слезоотделительных чувств. Ибо вовсе не доказано, что этот гуманист и человеколюбец вообще считает их за людей.

Это говорит о том, что естественный в Природе видовой эгоизм – способность концентрироваться на интересах своего вида и только – давно не интересен нынешним правящим двуногим, и современный человек скорее пожалеет одноногую кошечку, чем пьяную безработную соседку, рабочего в грязной робе или несчастного бомжа.

Законы и конституции везде страшат бедняков и всячески запрещают браконьерство беднякам только в силу ограниченности слонов, оленей и больших рыб, годных для ловли, полностью узурпируя это право. Поэтому беднякам не следует обольщаться, что запреты браконьерства вводятся из-за заботы о Матуш-

ке Природе и воспринимать эти ограничения как посягательство на ошмётки их свободы. Бедняков дрессируют сидеть в загоне и помалкивать! Умница Шекспир, таща убитого им оленя по лесной тропке домой, отлично понимал это и утверждал своё право не жалким нытьём, просьбами, а метким выстрелом и быстротой своих ног. Он и прикончил этого оленя только затем, чтобы напомнить себе и окружающим, что он - существо высшей породы! Как он бился за то, чтобы получить дворянский титул! Поэтому самые бесчеловечные и браконьерские государства давно позаботились о таких поползновениях, разоружая свой народ и там, где народ безоружен, можно с полной уверенностью сказать, что это патентованный народ-раб, которому не позволено не то, что браконьерство – ничего не позволено.. Когда такой народ погружается на самые низины рабства, его всегда нахваляют, обыывая его прискорбное рабское состояние «ответственностью» и «гражданскими добродетелями». Особенно работорговцы любят называть свой живой товарец «патриотами». Когда эти слова начинаются сыпаться из пасти любой власти, это значит только то, что народ окончательно пали пребывает в рабском состоянии.

Власть имущие утешают такие народы тем, что подплинтусное послушание – это проявление «патрио-

тизма», уравнивая таким образом рабство и «патриотизм». Часто, люди, уже не имеющие отношения ни к каким благам и просто живущие в своих квартирах, чудом до сих пор оставшихся у них, продолжают считать себя «гражданами», «членами сообщества» или чем-то подобным. Этот самообман был бы простителен, если бы не его печальные последствия для сообществ.

«Знал ли брат моего деда, поручик, уходя воевать за глупого царя, что после окончания битвы его жена окажется нищей вдовой, без пенсии и средств к существованию? И всё потому, что его убедили, что надо защищать родину! Знали ли двое сыновей моей бабушки, когда погибали в Литвонии, что их мать получить пенсию – 5 рублей? Пять рублей за двух сыновей-офицеров! Что сбережения её украдут, а эти иудины подачки продолжают платить уже очень старому человеку! Римские преторианцы подняли бы мятеж! Понимали ли они, что их мать подвергнут скоро издевательствам, когда бросая эти иудины медяки, на её глазах будут делить жирные, сочные холокостовские реквизиции с Германии?»

Вот так нам пришлось за минуту времени проделать тысячелетний путь от защиты животных к полной беззащитности людей моей незабвенненькой, миленькой Родины.

Чем, как не браконьерством является кастовое состояние сообществ, где люди, оказавшиеся вверху подавляют и уничтожают угнетённых. Их можно было бы понять и простить, если бы эти социальные селекторы попали на свои звёздные вершины благодаря умению, таланту, производительности или здравому смыслу. Ну, как я! Ничего подобного мы не наблюдаем. Вверху находятся напротив самые бесполезные, коррумпированные, испорченные, бездарные, злобные и бессовестные люди, часто лишённые здравого смысла и заменившие его хитростью, короче самые отпетые социальные браконьеры. Они избивают незаметными лакунами в принятых ими же законах миллионы добросовестных и законопослушных рабов, ввергая их в нищету у лишая последних домов и убежищ.

Будучи этническим Русским и живя в своей стране тысячи лет, можно навсегда испортить себе настроение, изучая историю своей родины. Кстати, если Солнце надо писать с маленькой буквы, как это принято у лесных андрияков, то слово «родина» уж точно обойдётся ещё более маленькой буковкой!

Глядя на результат, я не могу восхищаться ею. Здесь только можно вздохнуть горестно! Впрочем, даже самые отъявленные государственники, когда дело касается результатов этого правления, начинают ту-

ПИТЬ глаза и замолкать.

Наш царь. в общении со страной похож на распутного пастора, утешающего безутешную вдову после смерти её мужа. А её муж умер от голода во время застолья. Как будто это не ответственный хозяин страны, а турист в каком-то дурацком завезённом из-за бугра аттракционе. Турист удивляется пожарам, обвалам и смерчам в своём подъезде и уверен, что не имеет к этим уже постоянным катастрофам никакого отношения, а его единственная миссия – пускать запоздалую слезу и удивляться. А также произносить кучу пустых словес и обещать, что скоро всё изменится к лучшему. Потому что примерно тысяча лет известной истории – это история несчастий и закабаления моего народа. Это история извращённого отбора худших и истребления и изведения лучших!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.